

Телевизионные встречи с А. И. Солженицыным

Русская мысль - Париз - 1995 - 6-12 июля - с. 9.
Еще об «Указе №1»«Останкино»,
26 июня 1995

Должен сказать, что предыдущая передача, посвященная положению учителей, была скороспешно перенесена из расписания без должного объявления, на какой день перенесена, и поэтому многие, в том числе учителя, ее, очевидно, не слышали, не видели.

Но сегодня мы будем говорить о положении, о состоянии самих школ и о состоянии со школьными учебниками. В России 67 000 школ. Из них 23 000 нуждаются в капитальном ремонте, т.е. одна треть. А в деревне этот процент еще выше. Переполнения в деревенских школах, как правило, не бывает, но, впрочем, мы умеем его создать.

Вот в Иркутске я был... В Иркутской области в селе Эйдучанка. Нашими научными победами над природой, преобразованием природы залиты соседние села, затоплены. И дети вместе с родителями, естественно, переместились в эту Эйдучанку. Школа, назначенная на 250 человек, теперь принимает 600, т.е. еле-еле в три смены они помещаются. Это в селе. И бывает и в других селах так.

В городах эта проблема еще острее стоит. В городах часто бывает переполнение, так что даже в некоторых школах, я знаю, туалеты переделываются под классы. Бывает плохое проветривание, нечистый воздух, бывает заражение грибом стен. Санэпидстанция требует закрыть школу, гороно разводит руками: полторы тысячи учеников некуда деть.

Раньше у школ были так называемые «шефы», шефские предприятия. Они помогали в ремонте. Сейчас таких шефских предприятий в основном не осталось. Сама школа имеет ничтожные финансовые возможности, да еще со связанными руками. Она не имеет права перенести расход из статьи в статью, так что вот ремонт крайне неотложный, а перенести туда деньги нельзя ни копейки из статьи в статью. Значит, откуда надо брать деньги на ремонт? Собирают с бедных родителей, а дети сами, как рабочие, будут чинить.

Снабжение школ наглядными пособиями в последнее время резко упало. Есть школы, которые по пять лет не получают никаких наглядных пособий, средств к обучению. Географические карты я видел — протертые, продырявленные, подклеенные, так что уже разобрать можно, не знаю. Не говоря уже о том, что у нас границ нагородили новых, государств. Надо же новые карты издавать. Ремесла глухнут, потому что нет снабжения: пластика нет, швейных материалов нет, для выжигания, по резьбе по дереву — нет.

Дед Мороз под Новый год дарит, как известно, детям подарки. Но у школы нет денег на эти подарки. Так что собирают тайком с родителей, а потом этим же детям дарят.

Ну, об учебниках. По данным московского института развития образовательных систем на 1 сентября 1994 года, обеспеченность школ была 80%. Это еще неплохая цифра. Но я в ней сомневаюсь. Сомневаюсь потому, что в ряде мест мне говорили, что обеспеченность до 40—50%. И действительно, в деревнях во многих я видел (и это уже стало законом) — один учебник на двоих. Вот и учись как хочешь.

А для начальных классов уже такие истерты мне показывали. Учительница говорит: «Ведь это же лохмотья. Я же ввожу их в знания, приучаю к книге, и начинается с того, что я даю им лохмотья. Какое уважение к книге будет и чему их можно по этим учебникам научить?»

В 1995 году, однако, положение с учебниками грозит быть хуже, чем в прошлом. Дело в том, что из отпущенных на учебники денег в апреле было дано реально 5%, сейчас под 20%, но, это уже июнь, конец июня, это уже поздно. Поэтому обеспеченность будет ниже, чем в прошлом году. И с удивлением смотришь в телевизор, выступление министра просвещения, страшно благополучное, как будто все налажено, все идет более или менее нормально.

С учебниками мы потерпели два сотрясения. Одно — монополизация издательского дела. В учебном деле она очень вредна. Тут монополизация должна была еще остаться. И затем расстройство системы распространения. Казалось бы, в таком случае надо перенести все печатание учебников в регионы. И за это есть аргументы серьезные.

Во-первых, у областных департаментов образования есть свои складские помещения для учебников и для школьной литературы, есть коллекторы. Потом, только в регионах можно наладить растоптанное у нас краеведение, только регионы могут создать учебники по краеведению, которым мы возмущительно пренебрегаем.

Но, с другой стороны, есть опасность, что если каждый регион начнет делать учебники по-своему, то это приведет к большой разногласии и расстройству, потере единой системы образования. Книжная палата наша, которая веками получала обязательные экземпляры со всей страны, все, что издается, сегодня многого не получает. По Книжной палате сегодня даже не узнаешь, какие вышли учебники в тех же регионах.

Потом, частные предприниматели сейчас делают такие шаги: они думают, что вот этот учебник выгодно издать и продать. Тогда они покупают у автора прямо готовый текст, издают его без надлежащей экспертизы, без проверки серьезной и пускают в продажу. Они наживаются, дальше наживаются... торговую наценку берут магазины, доводят учебники. А можно ли учебники пускать без проверки?

Составление учебников — это сложная, высокая работа, соединенно ума, души и сердца. Вы можете быть первоклассным специалистом в каком-нибудь предмете, или области, или науке — и не напишете школьного учебника. Мне показывали и жаловались: учебники, написаны сухим вузовским языком, читать их нельзя.

И даже мне давали на отзыв пособие по литературе. Не учебник, а пособие по литературе для старших классов. Боже мой, этот язык... Написано так, чтобы выламываться перед другими литературоведами. То есть ученики могут только отворачиваться и от этой литературы проклятой, и от этих писателей — лучше бы их никогда не видеть. Вот такое пособие совсем недавно издали, мне предлагали его прорецензировать.

Сейчас многие ученые, оставшись без работы, охотно берутся написать учебники. И, кажется, профессиональные знания у них отличные. На самом деле, для того, чтобы написать учебник, надо понимать психологию ребенка, его трудности, его интересы, надо ощущать переход от абзаца к абзацу, от параграфа к параграфу.

Существовали же у нас учебники, ну, правда, по той же геометрии, 70—80 лет не меняли, сквозь революцию прошли — и все не меняли. Вот это учебник! Должен быть педагог с душой и с опытом работы с детьми. А потом должны быть экспертные комиссии. У нас сейчас так — с одной стороны, прекрасно, программу можно изменять, искать новые пути, но это грозит, с другой стороны, эпидемией экспериментаторства.

Варианты учебников нужны ли? Да, конечно, нужны. Варианты нужны в том случае, если мы можем обеспечить нормальным книгоизданием заблаговременно учителям выбор. Учитель просматривает несколько вариантов и говорит: «Вот этот вариант я заказываю, я буду преподавать по нему». Но разве при нашей бедности сегодня мы можем это обеспечить?

Сегодня страшно следующее. Мы не успеваем мало того, что просто издать, но вот эти варианты, которые появляются, мы не успеваем их пропустить через надежные экспертные советы. А экспертного совета мало, потому что, кроме экспертизы, нужна потом экспериментальная проверка на ограниченном учебном пространстве. Год-два учебники должны пройти такую проверку, после этого еще переделаться, и вот тогда будет настоящий учебник.

Страшно еще идеологическое сопротивление. Все эти пережитки марксизма, советских формулировок долдонских. Отчасти они сознательно выставляются, чтобы нас задержать в движении к пониманию истины. А отчасти это невольное... это главным образом инерция. Инерция человеческого сознания, которая бывает всегда, когда исторический процесс, события идут слишком быстро, человеческое сознание не может за ними уследить, все переварить и усвоить. Оно всегда отстает. И вот это отставание сказывается в создании учебников.

И сегодня наши история, литература, экономическая география, другие гуманитарные науки идут наощупь. Они идут

с непроявленным горизонтом, в хаосе мыслей, и в этом случае есть большой соблазн механически заимствовать что-то готовое.

Но раз старое было плохо... Откуда взять? С Запада. Взять западные концепции, стереотипы, формулировки, термины. Но, например, в истории я бы очень предупредил, что в течение всего советского времени так называемые советологи, кремленологи, они молились на нашу историческую науку. Еще бы! Самая передовая в мире страна! Передовой эксперимент! Какая наука, какая статистика! Советскую дутую статистику считали безукоризненно научной. Русскую революционную отвергали как буржуазную. Если прибавлялись другие в эмиграции, критикующие советские исторические концепции — отвергали как ненаучные и необъективные. Вот так они создали науку о нашей советской истории, а мы теперь в хвост... Они в хвост нам шли, а мы теперь в хвост им и заимствуем это.

Что сказать об учебниках истории специально? Во многих местах я видел историю СССР 80-х годов. Ну, что о ней... Что там наворочено, что там можно понять? Есть очищенная «История Отечества» для 10-х классов. Смотрел я и ее. В отношении дореволюционной России — в лучшем случае перечисление событий. Бедность мысли и нерешительность мысли. Не дай Бог дать патристическую концепцию национальной истории, так, как делается во всех нормальных странах. Этого боятся.

17-й год, я 20 лет им занимался, может быть, я там слишком придираюсь. Но год — роковой для России, сотрясательный для всего человечества. Что в нем можно по этому учебнику понять? Да ничего существенного, ничего главного, всех процессов понять нельзя. Ленин приехал, Броневик, «Апрельские тезисы», а там дальше — Октябрьский переворот, мощный фактор, триумфальное шествие советской власти. Вот вам и весь 17-й год.

И при этом утверждается, что советское время преемственно к дореволюционному. Как же оно может быть преемственным, если 15 лет над нами бушевал ураган лозунга «Все до основания разрушим — построим новое!» И так и делали: разрушали всю традицию мысли, всю традицию культуры, все сословия, религию, мировоззрение, все разрушали и разрушили. А потом построили новое. А теперь учебник говорит: «Это преемственно».

Что бы вы думали? Коллективизация и раскулачивание — это что такое было? Оказывается, по этому учебнику, это были мероприятия по повышению производительности сельского хозяйства. Значит, у нас было зерна завалилось, повысили производительность — остались без зерна. Голод, террор ЧК, ГПУ ранних 20-х годов — этого нету вообще. Такого не было. А вот голод 30-х годов нельзя не признать — признается. Но без связи с коллективизацией, не сказано, что это от коллективизации, этого нет.

И, конечно, можем найти там и невиданный энтузиазм трудящихся, и, как предполагал социализм, светлое будущее, но почему-то вот кризис за кризисом — не получилось. В общем, вернись сейчас к нашему прежнему политическому устройству, этот учебник еще так подумать, может быть, выбрасывать не надо, может, еще пригодится и для того времени.

История для 11-го класса — тем более сложно ее написать. Потому что она: Вторая мировая война и после. Близкое к нам время. Здесь авторы особенно осторожны, здесь надо особенно не поскользнуться. И тут черные дыры умолчания и непонимания. И тут вот инерция сознания, которая нас задерживает. В общем, боюсь, что с учебниками по истории у нас осталось начать и кончить.

Вот учебники по литературе — тут более благоприятное положение. Литература, она, уже когда взяли авторов, которых допустили, она невольно идет за авторами. Сам автор влечет за собой, дает истинный материал, живой, естественный материал. Я вот смотрел учебник 9-го класса по литературе, огромный — от античности до Гоголя. Но все-таки там вот этой отвратительной жвачки, которой нам забивали головы, там ее нет, и мы можем надеяться, что по литературе мы выйдем раньше вперед, а в конце концов прорвемся и к учебникам истории настоящим.